

БЫТ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ БОЛГАРСКОГО СЕЛА СЕВЕРНОГО ПРИАЗОВЬЯ В 1921-1941 ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ СЕЛА ПРЕСЛАВ ЗАПОРОЖСКОЙ ОБЛАСТИ, УКРАИНА)

Мария Пачева

Запорожски държавен университет

Статията е посветена на особеностите на бита и всекидневието на българските села в Северното Приазовие (Таврия) през 1921-1941 г. Извори са устните разкази на местни българи, лично записани на терен. Въпреки сериозните промени в обществения живот и икономиката, свързани със „социалистическата“ трансформация и модернизацията, традиционната култура в българските села в Таврия е запазена и до днес.

Ключови думи: таврийски българи, устна история, история на всекидневието

This article is devoted to looking into features of life and mundanity of the Bulgarian villages of Northern Priazovye between 1921-1941. The oral narratives of locals are used as an information source. Despite change in public life and economic factors connected with "socialist" transformations and modernization, during the period studied, Bulgarian villages of Tavriya have kept traditional culture in life and their everyday activities.

Keywords: Taurian Bulgarians, oral history, history of daily occurrence

Процеси и събития, происходившие в Советском Союзе в исследуемый период имели огромное влияние на экономическую, политическую и культурную жизнь населения Украины. Эти процессы одинаково отразились на жизни и этнических украинцев, и национальных меньшинств, в том числе и болгар.

Целью данной работы является исследование повседневности болгарского села Северного Приазовья в 1921-1941 гг. на основе устных нарративов села Преслав Приморского района Запорожской области. Село основали в 1862 г. македонские болгары, выходцы из бессарабского села Ташбунар (теперь - Каменка Измаильского района Одесской области) и назвали в честь древней столицы Болгарии (Усна історія 2009: 8).

В 2004 г. в Преслав Запорожским научным обществом им. Я. Новицкого была проведена экспедиция, в ходе которой было опрошено 40 респондентов 1912-1940 года рождения. Записанные устные нарративы, опубликованные в 6 томе книги «Устная

история Степной Украины, уже являлись объектом исторического исследования, в частности Ю.Ириоглу (Irioglu 2007) и М.Пачевой (Пачева 2010).

Часть вопросов, затронутых респондентами, охватывает жилище, его строительство и интерьер. Как правило, дома строили из самана: «А у болгар, обычно возле речки, а тут яма есть и еще сейчас сохранилась, делали саман для стройки домов! Ну, приглашали там людей, замесы делают, вода тут рядом, с речки берем! Делают саман, он сохнет, потом перевозим, где будет строительство! И начинаем строить!» (Усна історія 2009: 122). Интерьер болгарского сельского дома в исследуемый период еще не испытал на себе заметного влияния городской культуры: «Печки болгарские были ... Кровать, сундук! Ну тогда ж шифоньеры не было! Лавочки, вокруг столика! А так больше ничего не было!» (Усна історія 2009, Пенчева: 85). В качестве топлива использовали чаще всего сельскохозяйственные отходы: «И топишь, то солома, то палки с кукурузы! Семочки! ... Тогда ж не знали, что был уголь!» (Усна історія 2009, Пенчева: 85).

Электричество, по словам респондентов, в селе появилось лишь после войны (Усна історія 2009: 256). Для освещения использовалось так называемое «кондило» – самодельная лампа из стакана, фитиль которой был сделан из ваты: «кондило запалишь! ... Такие стаканчики, пробиваешь дырку, железка на стаканчик ... поддерживает ватку, чтоб не упала! Ватка горит! С масла, подсолнечного!» (Усна історія 2009: 297). Такая лампа давала мало света и сильно коптила. Постепенно стали появляться керосиновые лампы, но они считались признаком богатства: «Говорят: «О, здесь лампы светят, наверно, богато живут!» (Усна історія 2009: 323).

Одежду, как правило, шили у портных или самостоятельно: «А тогда модистки шили у нас много, портные были много» (Усна історія 2009: 58). Ткань, из которой изготавливалась одежда, тоже могла быть домашнего производства: «Ну тогда наряды были, знаешь как, это тканые рубашки, платья там ... Тогда ткала мама ... Она занималась, ткала ... рушники, простыни, одеяла» (Усна історія 2009: 127). Для болгар была характерна национальная одежда. Т. Хоменко описывает национальный болгарский праздничный наряд: «они надевали платки, кремового цвета с бахрамушки¹, и от так завязывали ... сюда втыкивали цветок... Любые цветы, какие дома найдут ... А мальчики ... в фуражечку затыкали цветочки. ... А сюда одевали... юбочки такие, а сверху кофточки. Сами себе шили» (Усна історія 2009: 258).

¹ бахромой

Постепенно популярность набирала «городская» одежда, хотя поначалу ее ношение и осуждалось представителями старшего поколения. Например, Р. Стояновская рассказывает о реакции свекрови на новое платье невестки: «Я помню, как пошила себе платье, одела, свекруха ... не помню как она меня обзывала... а я расплакалась, вот не понравилось ей мое платье! ... И прошло не знаю сколько лет, и она одела платье. Я говорю: “Иш как ты невестку угрожала, а теперь и ты одела платье!” [А до этого] ... рокли, фартушки! Ну кофточку ... И платок ... Жарко, не жарко! ... А когда уже в колхоз зашли, начали эту уже старинную моду бросать!» (Усна історія 2009: 59).

Что касается обуви, то в будние дни носили традиционные болгарские цервули, а туфли или сапоги обували лишь на праздник: «Ходили в цервулях, в навушти, обмотают зимой ... Толстые чулки, мы вязали ... и обуетсяя, и тепло! А когда жених ходит, в него сапоги были хорошие, хромовые! И ботинки были, когда на свадьбу, или в церкву» (Усна історія 2009: 59). Причем, цервули часто носили не только этнические болгары, но и представители других этносов. Например, А. Дорохин, в 1939 г. переселившийся в Преслав с Курской области, вспоминает: «ходили в постолах тех кожаных и я ходил. ... И так бегали, мяч гоняли в постолах» (Усна історія 2009: 184).

Первое коллективное хозяйство в селе Преслав (артель им. Фрунзе) было создано еще в 1922 г. На XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г. был провозглашен курс на коллективизацию (XV съезд ВКП(б) 1927). Согласно «Истории городов и сел» в 1930 г. в Преславе существовало уже шесть сельхозартелей. Весной 1932 г. они объединились в две — им. Ленина и им. Коминтерна (Преслав 1981: 607)

В Преславе, как и по всей стране, этот процесс носил принудительный характер: «Кто желал в колхозы, кто не желал. Многие не желали, но как не пойдёшь» (Усна історія 2009: 133), «Ну, когда уже коллективизация, они, комсомольские бригады, ходили по селу, забирали и не спрашивали. Всё забирали в колхоз! Силой, в общем, заставляли» (Усна історія 2009: 114). Среди причин нежелания крестьян вступать в колхоз респонденты чаще всего называют обобществление земли и имущества во время коллективизации: «Все у людей убирали. Убирали хозяйство и делали тогда колхозы ... Ну, я знаю, что когда земля собственная ... лучше жили люди» (Усна історія 2009: 140).

В памяти людей ярко отпечатались события, связанные с раскулачиванием: «Папа это, раскулачили его. Забрали в тюрьму, шоб отдал хлеб. Он отдал хлеб, нету

хлеба ... А они говорят: обманываешь» (Усна історія 2009: 123), «Многих повыгоняли, поразкулачивали, поразбивали ихние дома ... раз у тебя забрали всё, тебя на выселку» (Усна історія 2009: 184), «тогда кулаком считался, имеет гектар земли, имеет лошадь, он уже кулак. Уже его раскулачивали, выселяли!» (Усна історія 2009: 199).

Вспоминают респонденты и голод 1932-33 гг., повлекший за собой огромное количество жертв: «В 33-м! Да, страшный был тогда голод! ... Падали, умирали с голоду! ... Я не могу передать как страшно!» (Усна історія 2009: 29).

Во время голода многих жителей села Преслав спасало море: «Отец бросил эту работу и пошел на море! А там на море рыбаки, и нет-нет, и выходят с баркасов на берег! А мы тут же идем туда, дадут эту рыбку и на жесь, значит, жарили и кушали! ... Ну, и отец нас спас, от этой рыбой! ... Даже там и ночевал и помогал рыбакам!» (Усна історія 2009, Фуклев: 116). Также люди спасались, меняя вещи и одежду на продукты питания: «Ну голод был, голод, ничего не было, ходил папа менял одежду это где, ткала мама, там, то на буряк, то на молоко» (Усна історія 2009: 127).

Среди причин голода респонденты указывают хлебозаготовки, коллективизацию и засуху: «Ну, это была искусственная голодовка! Вывозили зерно за границу, но не давали людям!» (Усна історія 2009: 115), «Потому что убирали тогда ... обустряивали колхозы и у людей все убирали» (Усна історія 2009: 140), «А тут 32-й и 33-й год неурожайный! Голод был очень страшный! ... Ну, неурожайный год и нигде, ниоткуда!» (Усна історія 2009: 230), «Во-первых, неурожайно было, понятно, это одно. И второе, это повывозили весь хлеб, позабирали все!» (Усна історія 2009: 279).

Часть воспоминаний респондентов касается работы в колхозе: «И на посевной была, и молотила, это сейчас так быстро молотит, а мы тогда все вручную! И копны делали, вязали снопы, целую ночь ... потом скидаем на скирду, и на молотилки!» (Усна історія 2009: 321).

В исследуемый период в селах начала появляться сельскохозяйственная техника. В 1934 г. на полях преславских артелей уже работало 20 тракторов (Преслав 1981: 607), правда, как отмечают респонденты, по качеству они значительно уступали нынешним: «34-го года! Появился ХТЗ, “Универсал”! ... это сейчас трактора хорошие! Щас вот Толик работает в галстукe на тракторе, а тогда, этот трактор, под него делают подшипку, как справляет его – мазут течет, он обмазанный ... придет одни глаза только светяться!» (Усна історія 2009: 34).

В рассматриваемый период в колхозах существовала система трудодней, согласно которой колхозник за свою работу в конце года получал долю общего колхозного дохода соответственно количеству рабочих дней. Оплата совершалась не деньгами, а зерном: «Работали на трудодни! А пенсия нема. Работала один трудодень или полтора трудодня – палочка тебе и все!» (Усна історія 2009: 85).

В селе Преслав действовала семилетняя школа, которая с 1937 г. стала десятилетней. В 1925-26 учебном году в ней получали образование 290 учеников, а в 1937-38 г. их число возросло до 350 (Преслав 1981: 608). В ходе реализации советской властью политики «коренизации» в 20-е – начало 30-х гг. XX века образование в преславской школе осуществлялось на болгарском языке. Но к концу 1930-х годов происходит сворачивание коренизации, что отражается и на смене языка обучения: «Четыре года мы учились на болгарском языке! Школа была на болгарском языке!» (Усна історія 2009: 233), «До четвертого класса я учился на болгарском языке! А потом закрыли болгарские школы и ввели русские!» (Усна історія 2009: 116).

Недостаточным было материальное обеспечение школ, в частности, респонденты отмечают нехватку учебников: «один учебник на три-четыре человека! Он почитает, почитает, потом дает другому» (Усна історія 2009: 116).

Часто подростки бросали школу и шли работать в колхоз. Это могло быть связано как с материальными трудностями, так и с нежеланием учиться и непониманием важности образования: «Была соседка, она четыре класса кончила, пошла в колхоз работать» (Усна історія 2009: 138), «Я в школу ходила, четыре класса! А потом ходила на работу ... отец ... кричал: “Учись! Учись!” А я все спешила работать!» (Усна історія 2009: 219), «пошла в 12 лет работать в колхозе! ... Пошла в сад там разносчиком, там женщины, бидончиком воду носила! Поставили меня охранять те, вороны чтоб не кушали... а я заснула там! Но все равно ходила!» (Усна історія 2009: 321).

На базе Преславской учительской семинарии в 1924 г. был создан Преславский болгарский педагогический техникум: «Педагогический техникум, вот здесь у нас, а тут местные, приезжие, многие учились здесь, в этом техникуме!» (Усна історія 2009: 116). В 1925/26 учебном году в нем обучалось 152 студента. Техникум действовал до 1937 г., а после этого был переведен в Одессу (Преслав 1981: 608).

Примечательно, что работали в этом техникуме и политические эмигранты из Болгарии (Преслав 1981: 608). Тамара Хоменко рассказывает о Елене Генчевне

Найденовой, с которой дружила ее семья: «они со своим мужем приехали ... Он в Болгарии жил ... ну и поднялся организовывать... тоже, чтоб у них в Болгарии была советская власть! ... И он приехал, вот сюда, в Преслав к нам добрался ... и они жили у нас в Преславе! Она работала завучем в ... вот этом училище, педагогическом ... Очень хорошая была женщина! Энергичная ... А когда была репрессия, ее репрессировали, ее забрали ... Никто не знает [за что]! ... Она здоровьем была слабенькая, она вскорости там и умерла!» (Усна історія 2009: 234).

Что касается внутрисемейных отношений, то они строились на основе национальных традиций. Главным в семье считался отец, детям полагалось слушаться старших: «Дисциплина была строгая! Мы родителей боялись! Они нас строго держали в руках! ... Не били! Они нас словами всегда уговаривали! Это можно, а это нельзя делать! ... В угол ставили!» (Усна історія 2009: 212). В обязанности детей входила помощь старшим: «По дому все делали! Помогали! ... Гусей пасли!» (Усна історія 2009: 212), «Все мы помогали родителям. И воды ходили, носили мы, с братом. ... маленькие еще были, возьмем палку и идем на колодец воды наберем. На палочку и несем ведро с водой. Ходили кизяки собирали. ... Приносим, мама растопит» (Усна історія 2009: 147), «Все работала, некогда было баловаться! Я маленькая была, а бабы работали в степу. А меня они брали, чтоб я им водички подносила!» (Усна історія 2009: 299).

Тем не менее, у детей всё-таки находилось время и для игр: «в мячик играли ... копали ямочки, такие круглые, и катили мячиком ... в чью ямку попадет этот мячик, он должен взять мячик и бить! Попадать в кого-нибудь, а мы бегаем! Потом били мячик ... Досточкой надо ударить мяч, а тут несколько человек, и ловят» (Усна історія 2009: 121), «Ну было дело, делали из кирпича, кругленькие, а то было с барашек, с косточек. ... то большинство занимались девчата» (Усна історія 2009: 225). В этом описании можно узнать традиционные болгарские детские игры «клочка», «на топ на хилка», «на бешки», «на аршици» (Державин 1914: 116-121).

Среди молодежи была распространена такая характерная для болгар форма проведения досуга, как сидянки: «А сидянка это вечер, у хозяина, там у них девочка. Ну вот она приглашает, что вечером ждем у себя на сидянках, ну все рады там, прихорашиваешься ... Это водить девочек на сидянки еще в четырнадцать-пятнадцать лет... Где-то так!» (Усна історія 2009: 47). На сидянках девушки занимались рукоделием – пряли, вышивали, вязали: «веретена, пряли вовну! Носки вязали! ... На

этой сидянке сидим, то вяжем, то плетем! Вышивали, делали все! ... Песни спивали» (Усна історія 2009: 300), «[Раньше хлопцы] приходят и на сидянку, ну, там сядут возле меня ... смотрят на всех девочек. ... Кто и вышивает, шерсть это, всё, кто что может» (Усна історія 2009: 138).

Девушку на сидянки должны были отвести родители или кто-то из родственников: «Тогда все было строго-настрого, те вечеринки ... Ну меня все время семья дядьки Семена, он меня водил ... “Идем, Рая, я тебе отведу!”» (Усна історія 2009: 47), «Ну нас проводили, там тетка! Сами не ходили!» (Усна історія 2009, Савова: 300). Изредка разрешалось ходить и с подругами: «[На сидянки] иногда мама водит, а иногда с подружками ходим» (Усна історія 2009: 125).

Устраивались и вечеринки, с музыкой и танцами: «то вечеринки были, танцевали. По домам вот это вот [собирались] ... наняли гармониста, играют, они танцуют» (Усна історія 2009: 225).

В селе, как правило, общались между собой по-болгарски: «Мы же не могли даже по-русски говорить ... Это уже пока Маша не поженилась за Толика ... А он мне говорит: “А я ничего не понимаю, что ты говоришь!” [Русский язык выучила] как зять мой пришел!» (Усна історія 2009: 71), «Куда не пойдешь, в магазин – по-болгарски, в сельсовет – по-болгарски!» (Усна історія 2009: 383). Причем дети представителей других национальностей, попав в болгароязычную среду, тоже довольно быстро перенимали болгарский язык, и, в свою очередь, учили болгарских детей русскому языку: «Мать русская ... Я общался с детьми ... они ж по-болгарски говорят, и я начал по-болгарски с ними» (Усна історія 2009: 311), «Это когда я пошла в школу, тогда [начали русский учить]! Я знала, ну потому что ... соседи русские! Они по-болгарски... ну, где я с ними по-русски!» (Усна історія 2009: 383).

Таким образом, как мы видим, что процессы, происходившие в СССР в исследуемый период, отразились и на повседневной жизни болгарского села. Болгары в полной мере разделили с остальными народами Украины такие трагические события, как принудительная коллективизация, голодомор 1932-33 гг., сталинские репрессии.

В быту сохранялись многие элементы традиционной болгарской культуры: язык, национальная одежда, убранство дома. Молодежь собиралась на сидянки, дети играли в традиционные болгарские игры. Но постепенно в село проникала и «городская» культура, что, в частности, выражалось в замене традиционной одежды на более современную.

Одним из факторов, способствовавших сохранению языка и культуры болгар была проводившаяся в 20-30-е годы советским руководством политика «коренизации». У села Преслав было преимущество перед другими селами – благодаря функционированию здесь болгарского педагогического техникума, в котором работали политэмигранты из Болгарии, осуществлялась культурная связь с прародиной. Но в конце 30-х годов произошло сворачивание коренизации. Болгарский язык школьного обучения заменили русским, отдельных активистов национального возрождения репрессировали, а Преславский болгарский педагогический техникум в 1938 г. перевели в Одессу.

Несмотря на изменение в общественной жизни и экономике, связанные с «социалистическими» преобразованиями и модернизацией, в исследуемый период болгарские сёла Таврии сохранили традиционную культуру в быту и повседневности.

Библиография

- XV съезд ВКП(б) 1927*: XV съезд ВКП(б) 2-19 декабря 1927 г. Политический отчет центрального комитета — Электронный ресурс [просмотрен 27.01.2017]. <<http://www.hrono.ru/libris/stalin/10-13.html>>.
- Державин 1914*: Державин, Н.С. Болгарские колонии в России (Таврическая, Херсонская и Бессарабская губернии). София: Държавна печатница, 1914.
- Преслав 1981*: Турченко, Ф.Г., Фридкин, Н.С. Преслав. – В: История городов и сёл Украинской ССР: Запорожская область. Киев: Украинская советская энциклопедия, 1981, 604-610.
- Іріюглу 2007*: Іріюглу, Ю.О. Друга світова війна в усних історіях болгар Північного Приазов'я. – В: Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. Запоріжжя: Просвіта, 2007. Вип. XXI, 361-364.
- Пачева 2010*: Пачева, М.С. Колгоспна система в усних наративах жителів села Преслава Приморського району Запорізької області. – В: Матеріали XI міжнародної наукової конференції «Болгари Північного Причорномор'я». — Мелітополь – Велико Тирново, 2010, 137-147.
- Усна історія 2009*: Усна історія Степової України. Т. 6. Запоріжжя: АА Тандем, 2009.